



DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-1-64-75

УДК 297.17

Содержание статьи

Информация о статье

*Т.Э. Кафаров*¹

Вместо введения.
Исламская концепция лжи.
Философский дискурс относительно
проблемы лжи.
Заключение.

Поступила в редакцию: 15.02.2023
Передана на рецензию: 21.02.2023
Получена рецензия: 15.03.2023
Принята в номер: 24.03.2023

Ложь в оценке исламской рациональной теологии

Дагестанский государственный медицинский университет; kafarov.56@mail.ru

В статье обсуждается актуальная проблема правомерности и нравственной оправданности использования лжи и обмана в исламе и других конфессиях. Показывается, что, с одной стороны, все конфессии однозначно определяют Бога как носителя и выразителя блага и истины, а зло имеет человеческое измерение и является результатом деяний Сатаны (Иблиса), сбивающих человека с истинного пути, предначертанного Священным Писанием. С другой стороны, кантовская формула категорического императива, ядром которого является абсолютный запрет на использование лжи, не может удовлетворить религиозную теодицею, антропологию, а самое главное – практику, которая уже давно использует ложь по многим гуманитарным, медико-биологическим, психологическим, воспитательным и иным соображениям, в том числе во имя спасения. В статье подчеркивается, что Коран, Сунна и шариат строго ограничивают пределы использования лжи и обмана, одобряя это лишь в единичных, частных и исключительных случаях. Давая определенные конфессиональные «санкции» на использование лжи в некоторых случаях, ислам указывает, что он не только умозрительная конструкция и форма мировоззрения, но и практическая, жизненная установка, что он являет собой единство теории и практики.

Ключевые слова: *ислам, религия, ложь, Кант, запрет на ложь, ваджиб, такийя и китман.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-1-64-75

UDC 297.17

Content of the article

Information about the article

*T.E. Kafarov*²

Instead of an introduction.
The Islamic concept of lying.
Philosophical discourse on the problem
of lies.
Conclusion.

Received: 15.02.2023
Submitted for review: 21.02.2023
Review received: 15.03.2023
Accepted for publication: 24.03.2023

¹ *Тельман Эмиралиевич Кафаров* – проф., зав. кафедрой философии и истории Дагестанского государственного медицинского университета, д. филос. н.

² *Telman Emiraliievich Kafarov* – professor, head of the Department of Philosophy and History, Dagestan State Medical University, Dr. Sc. (Philosophy).

Lying as Viewed by Islamic Rational Theology

Dagestan State Medical University; kafarov.56@mail.ru

The article discusses the topical problem of the legitimacy and moral justification of lying and deception in Islam and other faiths. It is shown that, on the one hand, all faiths unequivocally define God as the bearer and exponent of goodness and truth, while evil has a human dimension and is a result of the deeds of Satan (Iblis), who leads people astray from the true path, predetermined by the Holy Scripture. On the other hand, the Kantian formula of the categorical imperative, whose core is the prohibition of lying, cannot satisfy religious theodicy, anthropology and, most importantly, practice. The latter has long used lies for many humanitarian, medical-biological, psychological, educational and other reasons, including in the name of salvation. It is emphasized that the Qur'an and the Sunnah, adat and Sharia strictly limit the use of lies and deception, endorsing it only in isolated, private, and exceptional cases. By giving certain confessional “sanctions” for the use of lying in some cases, Islam once again proves that it is not only a speculative structure and form of worldview, but also a practical, vital attitude, a unity of theory and practice.

Keywords: *Islam, religion, lying, Kant, prohibition of lying, wajib, takiya and kitman.*

Вместо введения

Религия, раскрывая свою сакральную, созидательную, конфессиональную, мировоззренческую, нравственную и когнитивную сущность через диалектическую пару «истина–ложь», чаще всего обращается к первой категории и смежным с нею понятиям «правда, справедливость» и т. д. Значительно меньшее внимание уделяется выяснению сущности лжи, обмана, неправды³. И это понятно в той связи, что истина в религии отождествляется с Богом, а ложь представляется результатом происков сатаны, дьявола, деяния и последствия которых в конечном итоге должны быть преодолены, на пути следования Божественному Откровению. В монотеизме эта идея получает предельное воплощение, распространяясь в том числе и на познание, где Бог и истина – это одно и то же, а в символике Троицы, знаменующей единство истины, добра и красоты, все они проявляются как модусы одного и того же Бога. В этом заключается общая черта, характерная для всех разновидностей монотеизма.

Вместе с тем в толковании этого вопроса существуют различия между религиями Откровения, заключающиеся в том, что иудаизм и ислам как формы абсолютного монотеизма только Бога прямо и непосредственно увязывали с истиной, тогда как христианство придает носителю истины еще и персональную форму. Не случайно Христос говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь» [2, Ин. 14:6]. Таким образом, если для всех религий Откровения только ложь обретает персональную идентификацию через личностную форму сатаны, но истина является обретением надличностного Святого Духа, то в христианстве носители как истины, так и лжи обретают личностную форму. Но в любом случае во всех религиях действует однозначная формула: Бог есть

³ Такая же пропорция отражается и в научно-исследовательской традиции, и в издательской стратегии. Так, в журнале «Исламоведение» в последние годы опубликовано несколько статей о религиозном видении истины: *Билалов М.И.* Религиозное познание в культуре постижения истины // Исламоведение. 2017. Т. 8, № 2. – С. 19–27; *Билалов М.И.* Символическая модель истины в проблеме осмысления ислама // Исламоведение. 2016. Т. 7, № 1 (27). – С. 59–66; *Магомедов К.М.* Проблема истины в философии и теологии // Исламоведение. 2016. Т. 7, № 2 (28). – С. 46–59. А вот статей, посвященных концепту лжи в исламе, не замечено. При всей диалектичности и противоречивом единстве действия механизмов истины и лжи они требуют самостоятельного исследования, особенно в конфессиональном измерении, поскольку религию интересуют эти категории далеко не в гносеологическом измерении, где они действительно не могут существовать отдельно друг от друга.

абсолютное добро и истина, а ложь в любом своем проявлении есть зло, имеющее человеческие и земные истоки. Поэтому вся конструкция религиозного мировоззрения ориентирована на предложение условий для преодоления и уменьшения зла, идущего от человеческого несовершенства, безверия, лжи и заблуждений.

«Формула» лжи как исключительного проявления зла целиком укладывается в «прокрустово ложе» кантовского нравственного категорического императива, являющегося безусловной основой человеческого морального поведения, не зависящего от всех внешних и внутренних, рациональных и иррациональных составляющих мотивации человека. По И. Канту, ложь недопустима во всех формах и отношениях, независимо от субъекта-адресата, в отношении которого она провозглашается, от всего многообразия обстоятельств, при которых к ней прибегают. Требование говорить правду и только правду, не лгать никогда и ни при каких обстоятельствах есть абсолютная максима и безусловная обязанность и право человека. Даже если эта правда приносит вред и страдания самому человеку и другим. И. Кант не делает различий между ложью как преднамеренным введением в заблуждение и так называемой «ложью во спасение», т. е. такой ложью, целью которой является защита личности или воспрепятствование совершению преступления, или ложью из гуманитарных, этико-правовых соображений и даже для самозащиты человека [10].

Не случайно большинство представителей российской интеллигенции и духовенства выступили против такого догматического и категорического подхода к феномену лжи, противного духу православия. О чем, например, писал Вл. Соловьев в трактате «Оправдание добра» и особенно убедительно Д.С. Мережковский в «Протопопе Аввакуме», являющемся стихотворным переложением «Жития протопопа Аввакума», где речь идет о спасении священником от стражников беглого каторжника:

Пусть же Бог меня накажет; как мне было не солгать?

Согрешил я против воли: я не мог его предать.

Этот грех мне был так сладок, дорога мне эта ложь:

Ты простишь мне, Милосердный, ты Христос, меня поймешь:

Не велел ли ты за брата душу в жертву принести.

Все смолкает пред любовью: чтобы гибнувших спасти,

Лучше правда пусть исчезнет, но останется любовь!» [12, с. 65].

Такое же критическое отношение к И. Канту мы видим и у большинства европейских философов. Так, лауреат Международной Кантовской премии Г. Эллисон полагает, что публикация эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» была главной ошибкой великого немецкого философа, поскольку она искажает его моральную позицию. На самом деле, в других своих работах он допускает отход от универсальной максимы правдивости для спасения собственной жизни, своего имущества и в иных случаях. Поэтому, согласно исследователям, Кант, не впадая в очевиднейшие нелепости, не может утверждать, что максима правдивости наряду с другими моральными императивами должна применяться без учета каких-то других факторов [3, с. 148]. Это означает, что такая предельная абсолютизация максимы правдивости невозможна, она может стать моральным обязательством лишь при каких-то дополнительных условиях. А сама же «формула абсолютной правды», которую излагает Кант в этой работе, как отмечает А.А. Гусейнов, представляет собой лишь схематическое изображение идеи долга, выступающей в конкретной форме запрета на ложь в ситуациях, когда человек не может уклониться от определенного ответа и когда ложь, к которой его принуждают, направлена на то, чтобы спасти кого-то от страшного злодеяния. Эта иллюстрация призвана показать, что запрет на ложь следует соблюдать даже в тех крайних случаях, когда с точки зрения здравого смысла это кажется совершенно абсурдным [5, с. 103–104].

Действительно, если оставаться на кантовской позиции, изложенной в этой работе, поступок Сусанина является не геройством, а морально-правовым преступлением, поскольку он обманул польских завоевателей. Или такой умозрительный пример, описанный в литературе, когда террористы намереваются захватить школу, но, заблудившись, спрашивают дорогу у прохожего, которому стал понятен их коварный замысел. Сказать им правду во имя абстрактной идеи морального долга и категорического императива, как советует Кант, или соврать, зная, какая опасность грозит детям, как диктует здравый смысл? Ответ, думается, очевиден [14, с. 28–41].

Исламская концепция лжи

Известно, что исламская доктрина добра и зла также не укладывается в подобную однозначную формулу нравственного абсолютизма, она является более гибкой, поскольку допускает возможность использования лжи в ряде случаев. С одной стороны, ислам категоричен и считает, что ложь является запретной и лицемерной. И с этим согласны все алимы. Об этом свидетельствует известный хадис Пророка: «Может ли мусульманин быть трусливым? Он ответил, что может. Далее спросили: «Может ли мусульманин быть скупым?» – «Да, может», – отвечал Пророк. И наконец, его спросили: «Может ли мусульманин быть лжецом?». Пророк ответил: «Нет, никогда» [19]. Таким образом, настоящий мусульманин лжецом не может быть; и, напротив, лживый человек – немусульманин.

По исламу, не только сам мусульманин не должен быть лжецом, он обязан, не позволять лгать другим. Сталкиваясь с неправдой, он не должен молчать, а обязан остановить ее распространение, поскольку если не сделает этого, сам становится лжецом таким же грешным, как и автор ложной информации. Грехом является также распространение ложной и непроверенной информации. Как подчеркивается в хадисах, «для того чтобы стать лжецом, человеку достаточно только передавать дальше все, что бы он ни услышал» [13]. Нельзя прибегать ко лжи даже в безобидных, на первый взгляд, шутках с целью развеселить людей. По этому поводу посланник Аллаха говорил: «Горе тому, кто рассказывает о чем-либо и лжет, чтобы рассмешить этих людей! Горе ему, горе ему!» [21].

Как отмечал Абу Хамид аль-Газали, «слова служат средством достижения целей, а всякой похвальной цели можно достичь как с помощью правды, так и с помощью лжи, прибегать к которой категорически запрещается, если в этом нет крайней необходимости. В тех случаях, когда нет возможности добиться благой цели кроме как с помощью лжи, прибегать к ней дозволено (мубах), если желаемое относится к числу дозволенных вещей, и обязательно (ваджиб), если желаемое является обязательным» [9].

Таким образом, в целом осуждая ложь, ислам однозначно допускает ее полезность в ограниченном числе случаев, а именно отношениях между супругами в целях формирования в семье комфортного микроклимата. Например, когда муж говорит своей жене, что она самая красивая и добрая на всем свете, или супруга говорит мужу, что он самый умный и справедливый, где всегда имеются элементы игры, допущений и лицедейства, которые только усиливают взаимопонимание любящих друг друга людей. Даже если каждый из супругов понимает, что это совсем не так. Тем более, оправданна такая ложь в целях пресечения в семье трений, гендерного равенства в исламе. Например, согласно источникам, она является допустимой при оценке поведения женщины, отказавшейся вступить в брак с данным мужчиной. Хотя ислам осуждает насильственные браки и категорически выступает против лжесвидетельствования, считая его запретной формой лжи, тем не менее, в отдельных случаях, связанных с семьей и женой, имеются некоторые послабления и исключения. Так в хадисах приводятся слова Абу Хурайры: «Если человек идет на хитрость и представляет на суде

двоих ложных свидетелей для дачи показаний, что он женился на женщине с ее согласия, и судья подтверждает его брак, а муж уверен, что он никогда не был женат на ней ранее, то такой брак будет считаться юридически законным, и он может жить с ней как законный муж» [1:86, 98–101].

Конечно, подобная максима не совсем укладывается в матрицу современной светской и религиозной морали, поскольку она оправдывает лжесвидетельствование. Остается надеяться, что такая оценочная формула имела определенное конкретно-историческое оправдание, которое нам незнакомо или непонятно.

– для предотвращения конфликта между мусульманами и общинами, также для их примирения между собой. Например, когда человек передает благие слова, сообщая одному, что второй якобы с похвалой отозвался о нем, это способствует сближению и устранению существующих противоречий, вражды и ненависти;

– для сокрытия от преследователей со злыми намерениями местонахождения мусульманина. В таких ситуациях ислам советует поступать совершенно не так, как рекомендует И. Кант. Если речь идет о защите жизни мусульманина и стремлении избежать кровопролития, то обман и ложь в такой ситуации будут *ваджибом*. Аналогичным образом следует поступать при обладании каким-нибудь секретом мусульманина, разглашение которого может причинить ему вред; шариат в таком случае рекомендует отказаться выдавать этот секрет, сославшись на незнание его;

– в целях защиты имущества мусульманина от преступных посягательств, если оно заработано честным трудом. Его защита является священной обязанностью человека, и чтобы сохранить или вернуть утраченное разрешается прибегнуть ко лжи и обману;

– в качестве составляющей военной стратегии и тактики. В ряде хадисов подчеркивается, что «война – это обман», и эта фраза дублируется многими составителями сборников [1, 4:52:268–269; 13, 1739].

– мусульманин может солгать также для спасения жизни и чести своей и близких людей в случае нападения врага. Каждый богобоязненный человек должен защищать жизнь, потому что до тех пор, пока тело будет невредимым, он может беспрепятственно выполнять религиозные предписания.

В этом постулате недопустимо расширительное толкование, как часто бывает. Например, иногда действует такая логическая цепочка: «на войне оправдывается обман врагов – джихад предполагает войну с неверными, с немусульманами – значит, в отношении с ними ложь всегда оправдана». Возможно, в начальный период утверждения ислама ему приходилось отстаивать свою конфессиональную, нравственную и правовую субъектность в непримиримой борьбе с язычниками и другими религиями. И, как говорится, *a la guerre comme a la guerre* (на войне как на войне), где все средства хороши, в т. ч. и использование лжи, обмана и хитрости. Если же брать глубинные основания ислама, особенно в современных условиях, то с этим категорически нельзя согласиться, поскольку ислам признает другие религии, с которыми должен быть равноправный и искренний диалог без всякого обмана и лжи.

Во всех перечисленных случаях ислам оправдывает инструментальное, но никак не сущностное использование лжи, но при этом должны соблюдаться неперемные условия. Во-первых, только крайняя необходимость признается исламом в качестве оправдания лжи. Во-вторых, мусульманин должен быть уверен, что правда в этом вопросе принесет гораздо больше вреда, чем его обман. Если же в случае правдивости ее последствия будут не столь тяжкими и драматическими, то, согласно исламу, обмана и лжи лучше избегать. В-третьих, если возникают хоть малейшие сомнения в том, чего же больше в его обмане – пользы или вреда, то всегда необходимо выбирать правдивость. В-четвертых, характер использования лжи во-многом определяется целью действий мусульманина. Прежде всего, если для достижения какой-то цели мусульманину

необходимо прибегнуть ко лжи, то сама эта цель должна быть разрешенной исламом. И если достижение такой цели – *ваджиб* или *фард*, то и обман, с помощью которого эта цель будет достигаться, также является разрешенным, богоугодным и выполнением исламского предписания. Если же достижение последней возможно либо через ложь, либо через правду, то в таком случае ложь категорически недопустима. Если же достижение цели невозможно через правду, то ислам допускает использование лжи по отношению к тому, кто препятствует достижению этой обязательной для мусульманина цели. В-пятых, нельзя забывать о том, что ложь запрещена, прежде всего, по причине вреда, который она приносит всем: и тому, к кому она обращена, и самому ее носителю, и всем окружающим, и потомкам, умножая тем самым невежество человека. В конечном итоге, это невежество принимает такие формы, при которых человек становится ее глашатаем, и, возможно, это искаженное восприятие мира и себя в нем становится нормой. И по принципу цепной реакции это невежество, порожденное ложью, начинает многократно умножаться, охватывая огромные массы людей. В-шестых, необходимо всегда помнить о том, что в принципиальном плане ложь в исламе запретна. И в использовании ее в крайних случаях необходимо соблюдать меру, даже если это осуществляется с благими целями. Если решить проблему можно без обращения ко лжи, следует от нее воздержаться, используя не откровенно лживые слова, понятные недоброжелателям, а иносказания, метафоры или намеки, имеющие скрытые смыслы что уже нельзя однозначно оценивать как ложь или обман. Не случайно восточная мудрость обращает серьезное внимание на формирование культуры иносказаний, поскольку это эффективный путь, позволяющий верующему не прибегать ко лжи и обману (имеется в виду случай, когда кто-то, говоря одно, подразумевает нечто иное так, чтобы слушающий его недоброжелатель понимал только явный смысл того, что он говорит, и не более).

Следует особо остановиться еще на чрезвычайно важных для ислама формах допустимой лжи, связанных с *такийей* и *китманом*. В богословской литературе имеются два вектора понимания такийи: широкое и узкое. В широком понимании такийя связана вообще с ложью и ее использованием во всех сферах жизнедеятельности мусульман. Такийя – это ложь во имя ислама и на благо мусульман. В узком же смысле она регламентирует матрицу поведения мусульманина по отношению к иноверцам в экстремальных условиях и, прежде всего, подразумевает сокрытие мусульманином своей истинной веры в случае крайней необходимости, под принуждением и при угрозе жизни (веру он сохраняет в своем сердце). Как в свое время поступил известный сподвижник Посланника Аллаха Амман ибн Ясир, схваченный многобожниками, которые насильно принуждали его отказаться от своей веры. Коран однозначно допускает такую форму лжи: «Кто отказался от Аллаха после веры в Него – кроме тех, которые вынуждены, а сердце их спокойно в вере – только тот, кто открыл неверию свою грудь, на них – гнев Аллаха, и им – наказание великое» [11, 16:108].

Китман предполагает замену исламской тактики поведения, связанной с отказом от использования в коммуникации абсолютной неправды и лжи, на более гибкую, построенную на сокрытии лишь части истины и представлением полуправды. Например, когда объясняют сущность джихада, упор делается исключительно на духовную борьбу и направленность на совершенствование и самосовершенствование человека, а сторону, ориентированную на насильственный характер джихада, пытаются завуалировать. Или, например, логическое ударение делается на аяты, где предполагается отказ от принуждения в исламе, а исторические и современные проявления исламского экстремизма и эксклюзивности, где имеет место навязывание определенной исламской парадигмы, напротив, умалчиваются и скрываются.

Необходимо отметить, что если в понимании *китмана* между различными направлениями ислама нет особых различий, то отношении *такийи* и пределов ее

использования между суннитами и шиитами имеются существенные расхождения. Сунниты рекомендуют прибегать к такийе в исключительных случаях, связанных с угрозой жизни и здоровью, а также безвыходного положения. Шииты же значительно расширяют пределы использования такийи, разрешая обман во всех случаях и ситуациях, и это является обязательным к исполнению; сунниты признают исключительно вербальные формы лжи, тогда как шииты признают такийю в словах и делах; сунниты прибегают к такийе только в общении с иноверцами и неверующими; по отношению к единоверцам используются лишь разрешенные формы лжи. Шииты используют технологию такийи также в отношении суннитов.

Философский дискурс относительно проблемы лжи

Философская и религиозная методология, особенно ислама, ставит вопрос о необходимости дифференцированного подхода к оценке лжи в человеческой коммуникации.

Во-первых, в этико-философской, психологической и педагогической литературе уже общезначимой становится точка зрения, согласно которой ложь в некоторых своих проявлениях не рассматривается как явление, противное человеческой природе, как абсолютная антиценность – она предстает неотъемлемой частью культуры и человеческой коммуникации. Особую толерантность ко лжи и обману показывают западные психологи и педагоги. Так, начиная со второй половины XX в. они уже перестали считать детскую ложь негативным показателем социальной адаптации, развития и воспитания, а, напротив, рассматривают ее как свидетельство отсутствия аутизма, наличия творческих задатков и фантазии. Поэтому следует не тревожиться, а радоваться безобидной детской лжи, проявляющейся в определенных разумных границах педагогической и психологической меры [17, с. 70–87]. И к такой позиции ближе всего подошел ислам, который оправдывает существование лжи не только в коммуникационных стратегиях, где, действительно, не обойтись без лицедейства (но не лицемерия!), но и в более широком смысле, исходя из соображений пользы для общества, человека и воспитания.

Во-вторых, здесь необходимо руководствоваться здравым смыслом и прагматическими критериями пользы или вреда. В этом плане крайностью является позиция И. Канта, согласно которой ложь вредна в любом качестве, если не отдельному человеку, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права. Для доказательства этого не нужно прибегать к каким-то дополнительным аргументам, поскольку это противоречит безусловному категорическому императиву. Поэтому на ложь в любых ее проявлениях должен быть наложен строгий и жесткий запрет, без всяких социальных и возрастных ограничений. На самом же деле, ложь начинает проявлять свою деструктивную сущность не всегда, а лишь с того момента, когда выявляет свою вредность и пагубность для общества и конкретного человека. Согласно мнению юристов, для наложения запрета на ложь должен быть доказан факт ее вредности самому человеку и другим людям.

В-третьих, в связи с такой правовой и нравственной «легализацией» лжи становится важным выяснение вопроса о мере допустимости в обществе такой лжи. Ее оценку следует, прежде всего, производить в строгой корреляции с объектом-адресатом, на который она направлена. Одно дело, если ложь является инструментом достижения необходимых социальных и психологических целей в общении; другое, когда врешь самому себе; и совершенно иное, когда ложь адресована Богу, например, через исповедальные механизмы, молитвы. Как совершенно справедливо отмечает известный австро-немецкий философ Иоганн Рау, «перед людьми без лицедейства не обойтись. Это грех, но не смертный. А вот перед самим собой и перед Богом лицедействовать – это грех смертный и смертельный для собственной души» [15].

В связи со сказанным необходимо сделать одно важное замечание. Иногда в литературе появляется точка зрения, что Коран позволяет лгать даже самому Аллаху, якобы есть установка, сформулированная в одном из аятов, где Он призывает: «И если есть у вас хитрость, то ухитритесь против Меня!» [11, 77:39]. Конечно, если сумеете обмануть «самого большого хитреца» – как себя называл Аллах [16]. Думается, что сказанное никак не свидетельствует о праве лгать Богу. Во-первых, во многих коранических аятах хитрость считается проявлением мудрости. В этом смысле Аллах – Величайший хитрец, и прежде всего потому, что обращает хитрость неверных против них самих. «Вот ухищряются против тебя те, которые не веруют, чтобы задержать тебя или умертвить, или изгнать. Они ухищряются, и ухищряется Аллах. А ведь Аллах – лучший из ухищряющихся!» [11, 8:30]. Во-вторых, враги при этом не будут догадываться об этой стороне божественной хитромудрости: «Они замыслили хитрость, и Мы замыслили хитрость, и они не знали» [11, 27:51]. В этом в том числе проявляется Божественное всемогущество. В-третьих, сразу возникает аналогия с гегелевской «хитростью разума», состоящей в такой опосредствующей деятельности Абсолютного Духа, который, давая самим объектам действовать друг на друга соответственно их природе, не вмешивается непосредственно в этот процесс. Так и Бог предоставляет людям возможность действовать, как им угодно, не стесняя игру их страстей и интересов, но через эту игру добивается своей цели, отличной от целей тех, кем Он пользуется [4, с. 397].

Особенно недопустимой является ложь по отношению к женщине, задевающая ее честь и целомудрие. В Коране и Сунне есть множество указаний на этот счет. «Те, которые бросят обвинение в целомудренных, небрежущих, верующих – прокляты они в ближайшей жизни и в последней! Для них – великое наказание» [11, 24:23]. «А те, которые бросают обвинение в целомудренных, а потом не приведут четырех свидетелей, – побейте их восемьдесятю ударами и не принимайте от них свидетельства никогда...» [11, 24:4].

Лгать запрещено даже по отношению к детям. Так, Абдуллах ибн Амир сообщает об одном своем детском воспоминании. «Однажды, когда посланник Аллаха был у нас дома, мать позвала меня, сказав: „Иди сюда, я тебе дам кое-что“. Пророк спросил: „А что ты хотела ему дать?“. На что она ответила: „Финик“. Тогда он сказал: „Поистине, если бы ты не дала ему ничего, это было бы записано тебе как ложь!“» [18].

Отдельно следует остановиться на выяснении меры допустимости лжи самому себе. И. Кант такую ложь называет внутренней ложью, тогда как ложь по отношению к другому выступает как внешняя. По большому счету, такое разделение не очень корректно, поскольку все человеческое поведение являет собой единство объективного и субъективного. Поэтому любой человеческий поступок мотивирован, будь он направлен во вне, на других людей или на самого себя. Именно в этом и состоит принципиальное отличие человеческого поведения от инстинктивной деятельности животных. А значит, любое человеческое действие – это единство внешнего целевого и внутреннего мотивационного. Особенно сказанное верно в отношении морального поступка, где без внутреннего содержания нет и самого морального действия, ориентированного во вне.

Согласно большинству аналитиков, ложь самому себе для морального субъекта принципиально невозможна. Если человек ставит себя в центр ценностного мира, то абсолютность установления «не лги!» вытекает непосредственно из невозможности лгать самому себе, из бессмысленности такой заповеди, поскольку является «эпицентром» всех других запретов, и их содержание коренится в этом исходном отношении человека к самому себе. Поэтому лгать самому себе невозможно, как абсурдно и невозможно воровать у самого себя, или прелюбодействовать в собственном

ценностном пространстве. Странно звучит для всемогущего Бога, но ложь по отношению к Себе невозможна даже для Него, для которого она также абсурдна и недопустима [8].

Другие, как например Д.И. Дубровский, считают самообман важнейшим фактором человеческой идентификации и автокоммуникации, присущим всем людям, в том числе и великим философам, поэтам и писателям [6]. Не случайно, А.С. Пушкин в стихотворении «Признание» восклицает: «Ах, обмануть меня нетрудно!.. Я сам обманываться рад!». Третьи считают наличие признаков самообмана нарушением основ моральной конституции человека, выражающимся – в инструментальном отношении к индивиду, когда относишься к самому себе как средству, а не самоцели, что является нарушением принципиальной кантовской категорической нравственной максимы. В этом плане ложь самому себе выступает как крайняя степень моральной деградации человека. Так, сравнивая ложь, ориентированную во вне, и внутреннюю ложь, Л. Денис замечает: «у лжи, касающейся внешних событий, в отличие от ложных сообщений о своих душевных состояниях и самообмана, присутствует лишь косвенная связь с отказом от собственной личности, со стремлением выдавать себя за того, кем ты не являешься. Подобный характер связи указывает на то, что ложь другому человеку по вопросам, не касающимся существенных характеристик моей личности, выступает как незначительное отклонение от долга перед самим собой. Воздержание от нее в этой перспективе представляет собой способ педантичного обеспечения абсолютной моральной чистоты» [20, с. 93].

Четвертые совершенно справедливо считают, что социальная и нравственная оценка лжи определяется противоречивой диалектикой единичного, общего и всеобщего. Это означает, что оценка лжи целиком определяется масштабами оцениваемого социального объекта. Как отмечал А.А. Зиновьев в «Зияющих высотах», чем больше социальности, тем выше степень аморальности [7], т. е. ложь, допустимая в единичном случае, становится недопустимой в массовом проявлении; тем более, она недопустима в абсолютном, категорическом плане как ложь во спасение. Тут И. Кант, безусловно, прав. Это означало бы нравственную легализацию лжи и отмену общей для всех религий максимы: «Не лги!». И можно привести множество примеров, когда изменение масштаба ситуации кардинально изменяет ее оценку; недопустимое в качестве абсолюта-максимы и категорического императива становится допустимым в частном, эмпирическом, индивидуальном проявлении. Получается, как философ, рассматривающий нравственный поступок, И. Кант прав, а как прагматик, педагог или воспитатель, оценивающий конкретный человеческий поступок, – не совсем.

Наконец, представляется достаточно конструктивной точка зрения, озвученная А.А. Гусейновым, согласно которой кантовскую категорическую формулу «Не лги никогда и ни при каких условиях!» имеет смысл считать действующей только в языковом пространстве (т. е. запрещающей лишь вербальную ложь). А все остальные действия и поступки, подлежащие оценке, считать не обманом, а проявлением и результатом социоприродной необходимости [5, с. 103–121]. Действительно, это позволит правильно понять и оценить все без исключения героические деяния людей, которые в борьбе с противником часто прибегали к обману, чтобы ввести его в заблуждение.

Заключение

Исламская концепция лжи достаточно корректно вписывается в общекультурные и общеконфессиональные стандарты, свободные от догматических крайностей, начиная от кантовского абсолютного неприятия лжи во всех частных и массовых проявлениях и завершая полной ценностной релятивизацией, когда стираются все грани различия истины и лжи, расширяющие пределы действия права на ложь, очерченные исламом для исключительных и строго предписанных Кораном и Сунной, шариатом и адатом случаев. Давая определенные конфессиональные «санкции» на использование лжи в

некоторых случаях, ислам лишней раз доказывает, что он не только умозрительная конструкция и форма мировоззрения, но и практическая установка на определенную жизненную позицию. Поэтому тут недостаточны абстрактные формулы кантовского категорического императива, не допускающие ложь ни в какой форме. К сожалению, сложная жизненная драматургия преподносит такие «сюрпризы», когда достижение благих целей предполагает обращение к некоторым ложным смыслам и постулатам, о чем шла речь в настоящей статье.

Литература

1. *Аль-Бухари* Ас-сахих (сборник хадисов). – Режим доступа: https://mir-knig.com/read_263917-1, № 3209, 4802 (дата обращения: 15.01.2022).
2. Библия. Ветхий и Новый заветы. Синодальный перевод. Библейская энциклопедия арх. Никифора. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/biblerus/?f=0JjRgS40&t=0JjRgdGFLg%3D%3D&nt=910> (дата обращения: 10.01.2022).
3. *Васильев В.В.* Маргиналии к работе Канта о мнимом праве на ложь // *Логос*. 2008. № 5. – С. 144–150.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
5. *Гусейнов А.А.* Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо // *Логос*. 2008. № 5. – С. 103–104.
6. *Дубровский Д.И.* К вопросу о добродетельном обмане // *Логос*. 2008. № 5. – С. 19–22.
7. *Зиновьев А.А.* Зияющие высоты. – Режим доступа: https://librebook.me/ziiiauuchie_vysoty (дата обращения: 19.03.2023).
8. *Зубец О.П.* Ложь как самоустранение // *Логос*. 2008. № 5. – С. 91–97.
9. Изудинов Нурмухаммад. Пять случаев, в которых ислам позволяет ложь. – Режим доступа: <https://vk.com/@namazurok-5-sluchaev-v-kotoryh-islam-dozvolyaet-lozh-video> (дата обращения: 20.03.2023).
10. *Кант И.* О мнимом праве лгать из человеколюбия // *Кант И.* соч.: в 8 т. / под ред. А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1994. Т. 8. – 458 с.
11. Коран / пер. с араб. акад. И.Ю. Крачковского. – М.: СП ИКПА, 1990. – 512 с.
12. *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. – СПб.: Академический проект, 2000. – 928 с.
13. *Сакхих Муслим.* Книга благочестия, родственных связей и нравственности. № 1466, 2566. – Режим доступа: <https://www.busulbadin.com/component/content/article/27-sakhikh-muslim/104-sakhikh-muslim-45-kniga-blagochestiya-rodstvennykh-svyazej-i-nravstvennosti-khadisy-2548-2642.html?Itemid=101> (дата обращения: 11.03.2023).
14. *Поддьяков А.Н.* Допустимо ли солгать злоумышленнику, чтобы помешать преступлению: анализ исторической полемики // *Культурно-историческая психология*. 2011. Т. 7, № 1. – С. 28–41.
15. *Рау Йоганн.* Истина и заблуждение, правда и ложь: философские заметки. – Режим доступа: <https://www.google.com/search?q=chrome..69i57.3969j0j15&sourceid=chrome&ie=UTF-8> (дата обращения: 20.03.2023).
16. *Сара Това Кунин.* Ложь во имя ислама. – Режим доступа: <https://proza.ru/2019/08/21/1276> (дата обращения: 20.03.2023).
17. *Синеокая Ю.В.* Право на обман (К вопросу о пользе и вреде лжи в воспитательных практиках) // *Этическая мысль*. 2015. Т. 15, № 2. – С. 70–87.

18. Частый поступок, из-за которого ангелы отдаляются от человека. – Режим доступа: <https://islam-today.ru/veroucenie/Chastyi-postupok-iz-za-kotorogo-angely-otdalautsa-ot-celoveka/> (дата обращения: 20.03.2023).

19. *Шуаб-аль-иман-аль-Байхаки*. – Режим доступа: <https://hadis.uk/shuab-al-iman-al-bajxaki-glava-upominanie-xadisov-kotorye-privodyatsya-o-vetvyax-very/44129/> (дата обращения: 20.03.2023).

20. Denis L. Moral Self-Regard: Duties to Oneself in Kant's Moral Theory. – L.; N.Y.: Garland Publishing, Inc., 2001. – 288 p.

21. *Hakim Tirmidhi*. Sira // The Concept of Sainthood in early Islamic Mysticism: Two Works of al-Hakim al-Tirmidhi / An annotated translation with introduction by Bernd Radtke & John O'Kane. – Richmond: Gurzon Press, 1996. – 219 p.

References

1. Al-Bukhari As-Sahih (collection of hadiths). – URL.: https://mir-knig.com/read_263917-1, nos. 3209, 4802 (accessed 15.01.2022). (In Russian).

2. Bible. Old and New Testaments. Synodal Translation. Archbishop Nicephorus' Encyclopedia of the Bible. – URL.: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/biblerus/?f=0JjRgS40&t=0JjRgdGFLg%3D%3D&nt=910> (accessed 10.01.22). (In Russian).

3. Vasilyev V.V. Marginalia to Kant's work on the imaginary right to lie // *Logos*. 2008. № 5. – Pp. 144–150. (In Russian).

4. Hegel G.W.F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1 Science of logic. – Moscow: Thought, 1974. – 452 p. (In Russian).

5. Guseinov A.A. What Kant Said, or Why Lies for the Good Is Impossible // *Logos*. 2008. no. 5. – Pp. 103–104. (In Russian).

6. Dubrovskiy D.I. To a question on a virtuous deceit // *Logos*. 2008. № 5. – Pp. 19–22. (In Russian).

7. Zinoviev A.A. Ziyashchiye Vysota. – URL.: https://librebook.me/ziiaiuchie_vysoty (accessed 19.03.2023). (In Russian).

8. Zubets O.P. Lie as self-removal // *Logos*. 2008. no. 5. – Pp. 91–97. (In Russian).

9. Izudinov Nurmukhammad. Five cases in which Islam allows lies. – URL.: <https://vk.com/@namazurok-5-sluchaev-v-kotoryh-islam-dozvolyaet-lozh-video> (accessed 20.03.2023). (In Russian).

10. Kant I. On the imaginary right to lie out of humanity // Kant I. Opus: in 8 vol. / Edited by A.V. Guliga.– M.: Thought, 1994. Vol. 8. – 458 p. (In Russian).

11. Quran / Per. from the Arabian I.Y. Krachkovsky. – M.: SP & IKPA, 1990. – 512 p. (In Russian).

12. Merezhkovsky D.S. Poems and poems. – SPb: Academic Project, 2000. – 928 p. (In Russian).

13. Sakih Muslim. book of piety, kinship and morality. № 1466, 2566. – URL.: <https://www.busulbadin.com/component/content/article/27-sakhikh-muslim/104-sakhikh-muslim-45-kniga-bлагочестиya-rodstvennykh-svyazej-i-nravstvennosti-khadisy-2548-2642.html?Itemid=101> (accessed 11.03.23). (In Russian).

14. Poddyakov A.N. Is it permissible to lie to an intruder in order to prevent a crime: analysis of historical polemics // *Kulturno-historical psychology*. 2011. Vol. 7, no. 1. – Pp. 28–41. (In Russian).

15. Rau Johann. Truth and delusion, truth and falsehood: philosophical notes. – URL.: <https://www.google.com/search?q=chrome.69i57.3969j0j15&sourceid=chrome&ie=UTF-8> (accessed 20.03.2023). (In Russian).

16. Sarah Tova Kunin Lies in the Name of Islam. – URL.: <https://proza.ru/2019/08/21/1276> (accessed 20.03.2023). (In Russian).

17. Sineokaya Y.V. The right to deception (To the question of the benefits and harms of lying in educational practices) // *Ethical Thought*. 2015. Vol. 15, no. 2. – Pp. 70–87. (In Russian).

18. A frequent act, because of which angels move away from a person. – URL: <https://islam-today.ru/veroucenie/Chastyi-postupok-iz-za-kotorogo-angely-otdalautsa-ot-celoveka/> (date of sample 20.03.2023). (In Russian).

19. Shuab-al-iman-al-Bayhaqi. – URL.: <https://hadis.uk/shuab-al-iman-al-bajxaki-glava-upominanie-xadisov-kotorye-privodyatsya-o-vetvyax-very/44129/> (accessed 20.03.2023). (In Russian).

20. Denis L. Moral Self-Regard: Duties to Oneself in Kant's Moral Theory. – L.; N.Y.: Garland Publishing, Inc., 2001. – 288 p.

21. Hakim Tirmidhi. Sira // The Concept of Sainthood in Early Islamic Mysticism: Two Works of al-Hakim al-Tirmidhi / An annotated translation with introduction by Bernd Radtke & John O'Kane. – Richmond: Gurzon Press, 1996. – 219 p.